

Предисловие

НИЧЬЯ НА КАРУСЕЛИ

Мне становится немного не по себе, когда собранные здесь тексты называют рассказами. Они не являются таковыми в полном смысле слова.

Садясь за рассказ, я обычно бросаю в огромный котел весь разрозненный фактический материал (если он, конечно, имеется) и плавлю его, пока он не утратит первоначального вида, и лишь затем, придав подходящую форму, использую. Вот что, в большей или меньшей степени, представляет собой рассказ. То же можно сказать и о реальности — реальность хлебной лавки в хлебе, а не в муке.

Между тем собранные здесь тексты в принципе основываются на фактах. Я составил их из множества историй, слышанных от множества людей. Дабы не ставить рассказчиков в неловкое положение, я немного поработал над деталями, и, хотя теперь они не являются фактами в чистом виде, в целом эти истории представляют собой именно фактический материал. Здесь нет преувеличений или дополнений, призванных добавить рассказу изюминки. Я лишь постарался выложить на бумаге услы-

шанные мною истории, по возможности не разрушив их атмосферы.

Изначально работа над этой серией текстов (назовем их зарисовками) была для меня разминкой перед написанием романа. Мне вдруг пришло в голову, что максимально точное изложение фактов может для чего-нибудь пригодиться. Итак, я вовсе не планировал превращать зарисовки в буквы. Они были лишь прихотью, обреченной на ту же участь, что и прочие бесчисленные фрагменты текстов, пылящихся в ящике моего письменного стола.

Однако на третьей или четвертой истории я ощутил в них нечто общее: все они «хотят быть рассказанными». Это был неожиданный опыт.

Обычно, работая над рассказом, по мере того как разворачиваются стиль и сюжет, я абсолютно неосознанно выбираю в истории фрагменты, которые послужат мне материалом. При этом мои рассказы не совпадают полностью с моей реальной жизнью (да что там — я и сам с ней не совпадаю полностью), а значит, в них непременно накапливается некий осадок, который не удастся использовать до конца. Именно этот осадок или что-то вроде того я использовал в своих зарисовках. Осадок на доньшке моего сознания терпеливо ждал часа быть рассказанным в той или иной форме.

Вероятно, одна из причин возникновения такого осадка в том, что мне нравится слушать чужие истории. По правде сказать, мне гораздо больше нравится слушать чужие истории, чем рассказы-

вать их самому. К тому же у меня, кажется, талант находить в чужих историях увлекательность. Как правило, они кажутся мне куда интереснее собственных. Причем заурядные истории заурядных людей интересуют меня гораздо больше, чем необыкновенные истории необыкновенных людей.

От этой моей способности — слушать чужие истории с интересом — никакой конкретной пользы. За годы писательства она ни разу не пригодилась мне даже на этой ниве. Может, и было такое, но я не припомню. Собеседник рассказывает, я внимаю, история оседает во мне.

Если от этой способности и был хоть какой-нибудь толк моему литературному характеру, то это лишь терпение, которому я отчасти научился. На мой взгляд, прежде чем появиться на поверхности, увлекательность проходит через фильтр терпения — именно на этой стадии формируются сюжеты большинства рассказов. Нельзя, отвернув водопроводный кран, до краев наполнить бокал увлекательностью — вот она, пейте! Иногда не обойтись без обряда вызывания дождя. Хотя все это не имеет никакого отношения к сути представленных текстов. Вернемся к тому, с чего начали.

Множество чужих историй бесцельно копится во мне без всякой пользы. Собираются в сугробы, словно выпавший за ночь снег. С любителями чужих историй так часто бывает. Это капелланы могут передать чужую исповедь в авторитетную организацию вроде Небес, мы же лишены столь удобно-

го собеседника. Нам остается лишь хранить их в себе.

В романе Карсон Маккаллерс* глухонемой молодой человек внимательно выслушивает любого, сопереживает и радуется вместе с ним. Притянутые словно магнитом, собеседники делятся с ним самым сокровенным. В конце концов молодой человек сводит счеты с жизнью. Только тогда окружающие понимают: выливая на него самые разные свои проблемы, ни один из них не догадывался о его чувствах.

Я ни в коей мере не отождествляю себя с этим молодым человеком — порой и я рассказываю кому-то свои истории и даже пишу. И все же явственно ощущаю накопившийся во мне осадок — вот что я имею в виду.

Вероятно, именно по этой причине, стоило мне временно отказаться от рассказа как от литературной формы, — и весь этот материал самым естественным образом всплыл на поверхность моего сознания. Материал зарисовок представляется мне бездомным малюткой — он тихо дремлет во мне, не будучи вплетенным в какой-либо рассказ или текст. При мысли об этом отчего-то делается неуютно.

Между тем изложение этого материала в тексте не принесет мне даже малого облегчения. Я не затем описываю эти зарисовки и представляю их об-

* Речь идет о романе «Сердце — одинокий охотник» американской писательницы Карсон Смит Маккаллерс (1917–1967).

щему вниманию. Как я уже сказал, они хотят быть рассказанными. Я чувствую это. При этом освобождение духа — совершенно отдельный вопрос; пока я, во всяком случае, не вижу никаких примет такого освобождения.

Уверенность в том, что самовыражение способствует освобождению духа, — самое обыкновенное суеверие, или, мягко говоря, миф. По крайней мере, самовыражение через текст дух не освобождает. Если вы хотите выразить себя именно с этой целью, не стоит и начинать. Самовыражение лишь дробит дух и никуда не ведет. Чувство, что оно куда-то ведет, не более чем галлюцинация. Писатель пишет, потому что не может не писать. В самом писательстве нет ни пользы, ни спасения.

А значит, осадок во мне останется осадком. Может, однажды мне удастся вплести его в новый рассказ в совершенно новой форме. Может, не удастся. Если нет, то осадок, вероятно, сгинет во мраке, заточенный во мне.

Сейчас я могу лишь собрать осадок в зарисовки. Я не знаю, правильно ли поступаю. Может, стоило написать настоящий роман? В ответ могу лишь пожать плечами. И процитировать слова одного убийцы о том, что «всякое дело благо». Все, что я мог, — это объединить материал вот таким образом.

Я называю собранные здесь тексты «зарисовками», так как они не являются рассказами или документалистикой. Материал целиком основан на фактах, но форма воплощения (сосуд) целиком яв-

Харуки Мураками

ляет собой рассказ. Любая странность или неестественность той или иной истории — результат использования фактов. Возможность читать ее без особых усилий — следствие формы, то есть рассказа.

Чем больше ты слушаешь чужие истории, чем больше наблюдаешь сквозь них чужую жизнь, тем большее тебя охватывает бессилие. Осадок и есть то самое бессилие. Суть бессилия в том, что нам некуда идти. В нашем распоряжении — подвижная система под названием «наша жизнь», в которую мы можем себя вписать, но эта же система одновременно предусматривает и нас самих. Как карусель — мы всего лишь вращаемся в определенном месте с определенной скоростью. Наше вращение никуда не направлено. Ни выйти, ни пересечь. Мы никого не обгоняем, и никто не обгоняет нас. При этом для сидящих на карусели это вращение кажется яростной ничьей с воображаемыми врагами.

Вероятно, именно по этой причине факт может выглядеть странно неестественным в той или иной ситуации. Подавляющая часть внутренней силы, которую мы зовем волей, исчезает, едва возникнув, однако мы не в состоянии этого признать, и пустота оборачивается странными и неестественными искривлениями на разных этапах нашей жизни.

По крайней мере, я так считаю.

ЛЕДЕРХОЗЕН

Идея серии зарисовок, собранных в этой книге, родилась у меня однажды летом несколько лет назад. До того момента у меня не возникало желания писать тексты такого рода, и не расскажи она эту историю (и не спроси она, не выйдет ли из этой истории рассказ), может, и не было бы этой книги. Выходит, спичку поднесла именно она.

Между тем с момента, когда она поднесла спичку, и до того, как огонь разгорелся во мне, прошло довольно много времени. Фитили, торчащие из моего тела, порой бывают чрезвычайно длинны. Даже слишком длинны, настолько, что выходят за пределы моих поступков и средней продолжительности жизни моих чувств. Случается, огонь достигает тела, когда это теряет всякий смысл. Но в тот раз возгорание удивительным образом уложилось в нужный срок, и в результате возник этот текст.

Эту историю мне рассказала бывшая одноклассница жены. Не особенно дружные в школьные годы, после тридцати они случайно встретились, неожиданно сблизились и подружились. Зачастую подруги жены кажутся мужу довольно странными

существами, но к ней я проникся симпатией с первой же встречи. Довольно крупная для женщины, она почти не уступала мне ни ростом, ни комплекцией. Преподавала игру на электрооргане, а все свободное время отдавала плаванию, теннису и лыжам. Подтянутая, всегда красиво загоревшая. Ее страсть к спорту можно было назвать маниакальной. Выходной начинался с утренней пробежки, потом заплыв в бассейне с подогретой водой, неподалеку, после обеда два-три часа игры в теннис, затем аэробика. Я и сам большой любитель спорта, но до нее мне было далеко как в количественном, так и в качественном отношении.

Называя ее страсть маниакальной, я ни в коей мере не имею в виду болезненность, ограниченность кругозора или агрессию. Напротив, ее отличал спокойный нрав, и она не имела привычки эмоционально давить на окружающих. Просто ее тело (и заключенный в нем дух), подобно комете, нуждалось в непрерывном движении.

То ли по этой причине, то ли по какой-то другой она была не замужем. Конечно, у нее случались романы — она была хоть и немного крупноватой, но довольно красивой девушкой. Случалось, она получала предложения руки и сердца, порой и сама испытывала чувства, но каждый раз, когда дело доходило до брака, тут же возникало какое-нибудь непредвиденное препятствие, и роман умирал, не получив дальнейшего развития.

— Не везет,— говорила жена.

— Ага,— соглашался я.

Между тем я не разделял мнения жены. Возможно, удача и вправду отчасти управляет человеческой жизнью, пестрой тенью рисуя темные пятна на карте нашей судьбы. Но если в дело вступает воля, да еще такая твердокаменная, заставляющая бежать двадцать километров или плыть три километра кряду, обстоятельства можно преодолеть, воспользовавшись волей словно удобным трапом. Лично мне казалось, у нее не получается выйти замуж только потому, что в душе она этого не хочет. По крайней мере, брак не укладывался полностью в энергетические рамки ее кометы.

Итак, она преподавала игру на электрооргане, в свободное время самозабвенно занималась спортом и регулярно страдала от несчастной любви.

Она жила отдельно с тех самых пор, как ее родители развелись, — она тогда училась на втором курсе.

— Это мама бросила отца, — однажды сказала она мне, — из-за шорт.

— Из-за шорт?! — изумился я.

— Странная история, — промолвила она, — неожиданная. Я никому об этом не говорила. Ноты ведь писатель, вдруг пригодится. Хочешь, расскажу?

Я пожелал непременно услышать ее историю.

Наш разговор происходил в дождливый воскресный день, она пришла в гости к моей жене, но не застала ее — та ушла за покупками. Дело в том, что подруга явилась на два часа раньше назначенного времени.

— Прости, — извинилась она, — собиралась поиграть в теннис, но планы смыло дождем. Не хотелось скучать дома, вот и решила зайти пораньше. Не помешаю?

Я ответил, что она не помешает. Мне и самому не хотелось работать, и я смотрел видео, поглаживая на коленях кота. Я пригласил ее в дом, сделал кофе. Мы пили кофе и досматривали последние двадцать минут «Челюстей». Сто раз виденный обоими фильм не вызывал особого энтузиазма. Нам было все равно, что смотреть.

На экране побежали заключительные титры, а жена все не возвращалась. Мы немного поболтали ни о чем — об акулах, о море, о плавании. Жены все не было. Несмотря на то что я не испытывал к ней никакой антипатии, для часовой беседы наедине у нас явно недоставало общих тем. В конце концов, она была подругой жены, а не моей.

Не зная, чем бы еще заняться, я уже собирался поставить следующий фильм, когда она внезапно заговорила о разводе своих родителей. Не знаю, почему вдруг вот так, без всякого перехода, она подняла эту тему (по крайней мере, я не усмотрел явной связи между разговором о плавании и историей с разводом родителей). Вероятно, была какая-то причина.

— Вообще-то неправильно называть их шортами, — продолжила она, — их настоящее название «ледерхозен». Знаешь, что это такое?

— Короткие кожаные штаны, в которых ходят немцы? На лямках, верно? — ответил я.

— Да. Отец захотел ледерхозен в подарок. Он довольно высокий для своего поколения, ему пошли бы шорты. Вообще не думаю, что японцам идут ледерхозен, хотя это дело вкуса.

Чтобы внести ясность, я решил уточнить, при каких обстоятельствах ее отец захотел ледерхозен в подарок.

— Прости, я всегда не с того начинаю. Если что-то будет непонятно, ты спрашивай, не стесняйся, — сказала она.

Я заверил ее, что так и сделаю.

— Мамина сестра в то время жила в Германии и пригласила ее в гости. Мама не знала ни слова по-немецки и ни разу не выезжала за пределы Японии, но много лет преподавала английский, и ей страшно хотелось хоть раз побывать за границей. К тому же она давно не виделась с сестрой. Она предложила отцу взять десятидневный отпуск и поехать с ней в Германию, но отца не отпустили на работе, и мать отправилась одна.

— И тогда отец попросил привезти ему ледерхозен?

— Точно, — ответила она, — мать спросила, что ему привезти, и он попросил ледерхозен.

— Вот оно что, — сказал я.

Из ее рассказа выходило, что в то время родители были сравнительно близки. Во всяком случае, больше не орали друг на друга по ночам, а отец пе-

рестал злиться и не ночевать дома по нескольку дней, как это бывало раньше, когда у него была другая женщина.

— У него неплохой характер, он настоящий трудяга, но очень уж падок на женщин, — рассказывала она бесстрастно, словно речь шла о постороннем для нее человеке.

На мгновение мне даже показалось, будто отец ее уже умер, хотя он был в добром здравии.

— Но в те годы отец был уже не молод, и эта проблема отпала сама собой. Казалось, они сохранят добрые отношения и в будущем.

На деле вышло по-другому. Практически не ставя их в известность, мать вместо десяти дней осталась в Германии на полтора месяца, а вернувшись наконец в Японию, отправилась напрямик к другой своей сестре в Осаку, так и не появившись дома.

Дочь с мужем не знали, что произошло. Несмотря на то что между супругами случался разлад, мать отличалась крайней терпимостью. Иногда казалось даже, что ей недостает воображения — так истово она дорожила семьей и слепо любила дочь. Поэтому то, что мать не приехала и не позвонила, никак не укладывалось у них в голове. Как ни старались, они не могли даже представить, что могло случиться.

Несколько раз они с отцом пытались звонить тетке в Осаку, но мать не подходила к телефону, и им так и не удалось расспросить ее об истинных намерениях.

Истинные намерения матери выяснились через два месяца после ее возвращения в Японию, в середине сентября. Она неожиданно позвонила домой и сообщила мужу, что выслала ему документы на развод.

— Подпишешь и вернешь, — велела она.

Когда отец поинтересовался причиной развода, мать, не задумываясь, ответила, что больше не питает к нему никакой любви. На вопрос отца о том, могут ли они пойти друг другу навстречу, она ответила решительным «нет».

На протяжении последующих двух или трех месяцев между родителями разворачивались телефонные баталии — они вели переговоры, в которых ни один не желал уступать. Мать стояла намертво, не идя ни на какие уступки, и отец, отчаявшись, наконец дал ей развод. Прошлые грешки говорили не в его пользу, не давая ему занять жесткую позицию. К тому же он всегда легко сдавался — такой уж характер.

— Эти события стали для меня настоящим шоком, — сказала подруга жены, — причем меня шокировал не развод — я всегда допускала мысль о том, что они могут расстаться, и была психологически к этому готова. Разойдись они по-человечески, думаю, я не была бы в таком смятении. Проблема не только в том, что мать бросила отца, а в том, что она бросила и меня. Я ничего не понимала, это была серьезная травма. Видишь ли...

Я кивнул.

— Я всегда была на стороне матери и думала, что она мне доверяет. А она взяла и бросила меня заодно с отцом, ничего толком не объяснив. Я долго не могла простить ей этот ужасный, на мой взгляд, поступок. Писала ей бесконечные письма, требуя внятного объяснения, но она не отвечала и даже ни разу не пожелала со мной встретиться.

Они встретились спустя три года на похоронах родственника. Она уже окончила университет и зарабатывала на жизнь преподаванием игры на электрооргане. Мать преподавала английский в частной школе.

Когда они ехали с похорон, мать призналась, что ничего не говорила ей только потому, что не знала, что сказать.

— Я и сама не понимала, что происходит, — говорила мать, — но поводом послужили шорты.

— Шорты?! — изумилась она так же, как недавно я.

Она была уверена, что никогда больше не захочет разговаривать с матерью, но любопытство победило. Прямо с похорон в траурной одежде они зашли в кафе, и за бокалом чая со льдом мать поведала ей историю о пресловутых шортах.

Магазин ледерхозен находился в небольшом городке, в часе езды на электричке от Гамбурга. Тетка подробно все разузнала.

— Немцы советуют покупать ледерхозен только в этом магазине. Говорят, там хорошо шьют и не так дорого, — говорила она.